

ГАЛИНА РОМАНОВА

**СЧАСТЬЕ ПО
СОБСТВЕННОМУ ЖЕЛАНИЮ**

МОСКВА

МЕТОД ЖЕНЩИНЫ

Читайте захватывающие
детективные мелодрамы

ГАЛИНЫ РОМАНОВОЙ

Расплата за наивность	Осколки ледяной души
Встретимся в другой жизни	Счастье по собственному желанию
Я – его алиби	Любвеобильный джекпот
Девушка с секретом	Длинная тень греха
Блудница поневоле	Личное дело соблазнительницы
Неплохо для покойника	Большие проблемы
Стервами не рождаются!	маленькой блондинки
Дожить до утра	Красотка печального образа
Крестный папа	Ночь с роскошной изменницей
Ничто не вечно под луной	Окно в Париж для двоих
Миллион причин умереть	Лицензия на happy end
Рыжая-бесстыжая	Черная корона
Охотники до чужих денег	Рыцарь чужой мечты
Мужей много не бывает	Демон искушения
Ты у него одна	Грешница в шампанском
Любитель сладких девочек	Принцип Отелло
Игры в личную жизнь	Исполнительница темных желаний
Черт из тихого омута	Жизнь нежна
Обмани меня красиво	Мода на чужих мужей
Старая тайна, новый негодяй	Пока смерть не разлучит нас
Миллионерша поневоле	Завтра не наступит никогда
Внимание: неверный муж!	Пять минут между
В любви брода нет	жизнью и смертью
Последняя ночь с принцем	Любовь окрыляет

Единственная моя	Узнай меня
С первого взгляда	Заповедник потерянных душ
Второй подарок судьбы	Ангел мщения
Зеленые глаза викинга	Первый шаг к пропасти
Тайна, приносящая смерть	Вкус запретного плода
Цвет мести – алый	Исповедь обманутой жены
Не доставайся никому!	Свидетельницы зла
Чужая жена – потемки	Королева отшельников
Возвращаться – плохая примета	Игры небожителей
Врачебная тайна	Грех с ароматом полыни
Призрак другой женщины	Кукла-любовь
Тайну хранит звезда	Позови ее по имени
Семь лепестков зла	К северу от любви
Свидание на небесах	Пепел прошлого
Ведьма отмщения	Без крестной феи
Программа защиты любовниц	Псевдоним украденной жизни
Кинжал в постели	Цена откровения
Гнев влюбленной женщины	Конец игры с продолжением
Лучший день в году	Шоу семейных секретов
Нирвана для чудовища	В интересах личного дела
Незнакомка с тысячью лиц	Правда персонального формата
Последнее прибежище негодяя	Простить нельзя помиловать
Счастье с третьей попытки	Лабиринт простых сложностей
Подвенечный саван	Теория вероятного чуда
Заклятие счастья	Забавы мертвых душ
Торговка счастьем	Преступные игры гения
Амур с оптической винтовкой	Тайна за семью печалями
Месть Спящей красавицы	По следам старых грехов
Демон ревности	Золотое правило молчания
Преступно счастливая	Дневники преступной памяти
Изменница поневоле	Последний секрет на троих
Закон сильной женщины	Сто причин поверить
Без вины преступница	Маршрут случайных пассажиров
Пленная птица счастья	Тест на доверие
Ничего личного, кроме боли	Маскарад благих желаний
Заговор обреченных	

ГАЛИНА РОМАНОВА

**СЧАСТЬЕ ПО
СОБСТВЕННОМУ ЖЕЛАНИЮ**

МОСКВА

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Р69

Редактор серии *А. Антонова*

Дизайн обложки *А. Зининой*

Романова, Галина Владимировна.

Р69   **Счастье по собственному желанию: роман /**
Галина Романова. — Москва : Эксмо, 2025. —
320 с.

ISBN 978-5-04-223665-5

Знала ли скромная сотрудница лаборатории Люба Закатова, чем обернется для нее встреча с заезжим олигархом, купившим контрольный пакет акций их завода? Кольцом с огромным бриллиантом?! Зарплатой в тысячу долларов?! Предложением руки и сердца?! Даже плакать хочется... но не от счастья! Потому что беды посыпались на Любочкину голову: погибает друг юности Тимоша, затем его теща, которая должна была передать девушке какие-то документы. Смерть ходит по пятам и за самой Любой. А тут еще, как назло, появляется «любовь всей ее жизни» — красавец Ким. И с каждым днем крепнет уверенность — он-то и есть виновник всех ее неприятностей...

УДК 821.161.1-312.4

ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Романова Г.В., 2025

© Оформление.

ISBN 978-5-04-223665-5

ООО «Издательство «Эксмо», 2025

ГЛАВА I

Официально лето должно было наступить еще неделю назад, потому что именно семь дней назад случилось первое июня, но, странным образом, погода скомкала все календарные соответствия. Ветер носился по городу, обезумев от собственного нахальства. Срывал плакаты, ломал зонтики летних кафе, мутузил по переулкам кучи мусора, переволакивая их с одного места на другое. Ледяной противный дождь наперегонки с ветром стучался в окна и клонировал непроходимые лужи, вытравливая из сознания сограждан последние надежды на тепло.

Люба Закатова с силой налегла на подъездную дверь. Та подалась с трудом, тут же отскочила от притолоки, с глухим стуком ударилась о бетонную стену, заскрипев несмазанными петлями, и тут же с диким уханьем вернулась обратно. Промозглый, совсем не летний ветер мгновенно забрался под тонкую джинсовую курточку, заморозил голые коленки — надо было джинсы надевать, а не выпендриваться в короткой юбочке — и сыпанул в лицо горсть дождевой капли.

— Погодка шепчет... — вздохнув, пробормотала Люба.

С третьей попытки открыла зонтик и посмотрела под его купол с тоской и надеждой. Добраться бы

еще с ним до проходной, чтобы не вывернуло его спицами вверх, чтобы не сорвало верхний крепеж, державшийся на честном слове, и не прорвало нитки, которыми вчера латала новую микроскопическую дырочку. Если в пути она лишится зонта, будет худо. Мокнуть ей сегодня никак нельзя. У нее сегодня прическа. И блузка у нее новая, спрятанная под старенькой джинсовкой. И над макияжем она мудровала целый час, стараясь, чтобы и оттенялось все, и в то же время незаметно было. Все, как учили модные журналы и советовали с экрана телевизора знаменитые визажисты.

Мокнуть было никак нельзя, сегодня у них в лаборатории двойной праздник. В кои-то веки в их болоте-то!..

Во-первых, их сегодня представляли новому то ли инвестору, то ли хозяину, то ли и тому и другому в одном лице. Представления удостоились пара начальников цехов, все сотрудники их лаборатории и еще кое-кто из дирекции. По слухам, инвестор был молод, холост и баснословно богат. Смешно, конечно, на что-то надеяться, но не ступать же к нему на ковер в стареньком белом халате, безнадежно прожженном реактивами. Потому и надела короткую черную юбочку, новую блузку и в пакете сейчас несла пару туфель на тончайшей шпильке. Туфли были почти новыми, купленными по случаю встречи Нового года в многочисленной семье на далекой родине. Потом Люба надевала их всего однажды, на Восьмое марта. Гуляли в ресторане, гуляли с размахом, она и вырядилась. Теперь тоже вроде случай представился..

А во-вторых, у их любимого начальника — Симанова Михаила Эдуардовича — сегодня юбилей. И они

собирались отметить его в обеденный перерыв прямо в заводской лаборатории.

Обычно к двухтумбовому столу заведующего поддвигали стол Танюшки Савельевой, тот стоял ближе всех. Устилали все это перфорированной бумагой и накрывали, чем бог послал. Божьи послания напрямую зависели от семейного положения, социального статуса и задержки по зарплате. К примеру, если имелся муж, да еще неплохо зарабатывающий, то стол ломился от закуски. Если работающий был пенсионером, а у них в лаборатории их было пятьдесят на пятьдесят, то со средствами тоже проблем особых не возникало. И рыбка на тарелочках алела, и балычок ароматно розовел, и виноградные гроздья свисали с вазы, купленной в складчину для подобных мероприятий. А вот если не было мужа, пенсии и задержка по зарплате медленно приближалась к трехмесячному рубежу, тогда просто беда.

Люба вздохнула, вспомнив свой минувший день рождения. Как носилась на почту и обратно в ожидании перевода от родителей. Перевод запоздал на неделю, и ей пришлось перехватывать у Жанки, что жила этажом выше. Та деньги дала, но сотню раз предупредила, чтобы без задержек и без обмана, а то в следующий раз не получит и все такое.

Обманывать Люба не умела, даже как-то стеснялась это делать в чьем-либо присутствии. Вот один на один, у себя дома, могла насочинять кучу всякого вранья. Как бы, к примеру, она ответила своему мужу, когда тот у нее в обычном порядке клячил деньги. Сказала бы, что купила себе что-нибудь необыкновенно дорогое. Или что отдала деньги в фонд пожертвований голодающим Эфиопии. Люба не зна-

ла, существует ли такой фонд в природе, но соврала бы ему с удовольствием.

Но вот врать не умела, хоть умри! Просил денег — давала, даже если в кошельке лежала всего одна десятка. Спрашивал ее о чем-нибудь, о чувствах, к примеру, — тоже говорила правду. Когда любила, так и сказала: люблю. А когда обрыдло все, тоже скрывать не стала, говорит: не могу больше, ненавижу. Он и ушел. А соврала бы, глядишь, и остался бы ее непутевый Серега дома. И жили бы они сейчас вместе. И не тосковала бы она порой от одиночества в своих четырех стенах. И не кусала бы локти втайне ото всех.

Люба снова вздохнула. Выглянула из-за угла дома и нахмурилась. На автобусной остановке стояло человек тридцать, не меньше. Значит, придется идти пешком. Стиснут, изомнут, чего доброго зацепят колготки. В такой давке можно и пуговиц на блузке лишиться. А ей нужно сегодня выглядеть. Очень нужно.

Смешно, конечно, надеяться. Господи, ну, конечно же, смешно! Станет на нее обращать внимание инвестор — холостяк — миллионер — в одном флаконе! Жди, как же! Это не любовный роман, где все женщины сплошь Золушки. И не бразильский сериал, где Золушки через одну. Это ее пускай и не очень убогая, но и не очень везучая жизнь. И надеяться в этой ее жизни на что-то грандиозное сродни сверхнаглости.

А все равно надеяться хотелось. А вдруг...

До заводской проходной она добралась в рекордно короткое время. Летела, почти не разбирая дороги. Старенькие ботиночки, специально отреставрированные для такой вот погоды, не подвели — не

промокли. Зато дождь хлестал по ногам так, что промокли колготки. И зонт дважды предательски вывернул свои спицы навстречу дождевым струям. И прическа, кажется, слегка потеряла свой вид. Хорошо еще, что вняла совету соседки Жанны (та, кстати, и укладывала ей волосы в полседьмого утра) и накинула на голову легкую косынку...

— «А — восемьдесят четыре, шестнадцать» — назвала свой пропуск Люба, осторожно вытирая щеки носовым платочком. — Привет, Марин, как смена?

— Нормально. — Марина кивнула ей, подав в окошко пропуск. — Как там погода?

— Все так же. Приехал, нет?

Уточнять было не нужно. Все и так знали, кто и зачем должен приехать. Знали, ждали и уповали, потому что дела на заводе были, мягко говоря, швах.

— Говорят, приехал. Тачка у гостиницы стоит с часу ночи крутая. Номера московские. А что за тачка, кто же его знает! Тут разные приезжают, сама знаешь.

«Мерседес», огромный, как автобус, Люба и сама видела. Ткнувшись угрюмой черной мордой в ограждение, он ждал своего хозяина во дворе заводской гостиницы. Кем был тот хозяин, пока оставалось загадкой.

Она вышла из проходной, завернула налево и пошла аккуратным тротуарчиком к угрюмому серому зданию заводской лаборатории. Вошла в широко распахнутые двери, поднялась на третий этаж и, покопавшись в сумке, достала ключи.

Она пришла первой. Она всегда так приходила. Она же была одна, без семьи. Остальные подтягивались ровно к восьми.

Сначала вбегала запыхавшаяся Танечка Савель-

ева. Жена Тимохи Савельева — бывшего приятеля Любы. Почему бывшего? Да потому что Таня не разделяла современных взглядов на предмет дружбы между мужчиной и женщиной. Не разделяла и всячески этой дружбе препятствовала. Нервничала, изводила Любу своим нытьем, а то еще и ревновать принималась, что было намного хуже.

Потом являлся их любимый Михаил Эдуардович. Тяжелой неторопливой походкой он проходил в свой угол. Потом долго и нутужно кашлял и в ответ на болезненный вздох Любы упрямо лез за «беломориной».

Сестры Колядовы, Оля и Маша, такие же пенсионерки, как и начальник, входили следом за Михаилом Эдуардовичем с интервалом в секунду. Обе маленькие, беленькие, морщинистые и смешливые. Шумно входили. Шумно располагались за столами и шумно начинали рабочий день с каких-нибудь городских скандалов, сплетен или цитирования некрологов.

А уж в начале девятого являлся и Витюша Глыбин.

Чудо чудное, называла его Люба за глаза и втайне ото всех тихонечко презирала. По ее понятиям, на земле было место разным мужчинам: порядочным, подлым, сильным, слабым, красивым и нет, но таким нелепым, как Витюша...

Такие мужчины не имели права родиться и не имели права на существование, по ее тайным соображениям. В них было слишком много всего в минуту, слишком.

Мелочный, некрасивый, неопрятный, суетливый, завистливый, неумный и в то же время заносчивый. Витюша производил на нее очень угнетающее впечатление.

чатление. И еще угнетало ее то, что с некоторых пор сестры Колядовы взяли за правило шумно обсуждать возможность их союза — ее и Витюшиного.

— А что, Любаша! Ты у нас женщина разведенная, пока никем не востребованная. Витенька тоже холост. Почему бы вам, так сказать... Витюша, а ты пригласи Любочку на медленный, пригласи... Ой, Витюша, а твое место подле Любочки... Что же это ты, Любочка, за Витюшей совсем не ухаживаешь? У него же тарелка совсем пустая...

Люба в такие моменты заводилась с пол-оборота, но искусно изображала вежливое внимание. Грубить в их коллективе было не принято. Начальник при этом смотрел на Любу с жалостливым пониманием. Танечка — с тайным торжеством. Сестры — оценивающе. А Витюша всюду пускал слюни.

Интересно, в чем он сегодня явится на работу? Вчера всем объявили, что их будут представлять свалившемся на их головы олигарху, и слезно просили одеться поприличнее. Из всех приличных вещей у Глыбина имелась рубашка в мелкую полоску. Он всегда надевал ее по праздникам. Рубашку в полоску и галстук с готовым узлом, что постоянно съезжал у него к уху. В рубашке Витюша прийти не мог, так как был в ней вчера и по неосторожности уронил повидло из пончика на самое видное место. Может, успел постирать и высушить...

Медленно тасуя пустые, никчемные мысли, Люба сняла с себя куртку, повесила ее в шкаф на плечики. Вытряхнула из пакета туфли и переобулась. Косынку она успела стянуть еще на лестнице. Включила компьютер и лишь тогда подошла к зеркалу и придирчиво себя оглядела.

Господи! Едва не застонала она вслух. И на что она смеет надеяться?!

Рост? Роста никакого. Метр шестьдесят пять — это не рост по теперешним понятиям. Рядом с олигархами всегда те, кто хоть на десять сантиметров выше ее.

Ноги? Ноги как руки, а руки как грабли, всегда любил повторять Серега. Специально, гадил, конечно, но могли бы быть и чуть длиннее. Что опять-таки минус при ее надеждах на заезжего олигарха. Придумала же тоже!..

Грудь... Люба ухватила блузку сзади и чуть натянула. Так вот было вроде и ничего. А не натягивая... совсем вроде ничего, почти не угадывалась.

Одно утешение, что хоть портрет лица удался.

«Мордаха, — говаривал Серега, — у тебя, Любань, что надо! Знойная мордаха!»

Что подразумевалось под знойной, для нее до сих пор оставалось загадкой.

Высокие скулы, большой пухлый рот, черные глаза с намеком на восточные корни. Шевелюра, кстати, тоже на это намекала. Таких черных волос на их этаже не было больше ни у кого. В самые гнусные дни их супружества муженек из-за этого называл ее вороной. Она обижалась, конечно. И однажды, в отместку, взяла и осветлилась. Получилось ужасно. Волосы и не думали уступать химикатам своего природного преимущества и высветлились лишь до соломенного оттенка. Серега тут же окрестил ее клоуном и измывался до тех пор, пока волосы не отросли и не вернули себе первозданный цвет...

Люба осторожно прикрыла дверцу шкафа и села за свой стол. Увиденное в зеркале пусть и не особо ее расстроило, но и не очень воодушевило. Вывод

сделан — надежд никаких. Сейчас начнет подтягиваться народ. Пора было приступить к работе.

— Привет. Как дела? О! Новая блузка! Дорогая? Тебе идет. Хотя я бы такой цвет не купила. Слишком как-то уж претенциозно... — На ходу стягивая с себя легкий плащ, переобуваясь в туфли и попутно включая электрическую мешалку, Танечка Савельева без устали ее рассматривала и с удовольствием критиковала. — И чего ты на такой сочной зелени остановилась? Нужно было что-нибудь пастельное, нежное. Ты же черная вся! Глаза черные, волосы, кожа... Нет, эта зелень — слишком грубо...

Савельева проговорила до самого прихода Михаила Эдуардовича. И договорилась до того, что Люба уже была готова снять с себя блузку и натянуть свой белый халат в мелкую дырочку, такой привычный и не раздражающий глаз коллегам.

Но в отличие от Тани, остальные были более лояльны и либо не заметили ее обновки, либо одобрительно кивнули. Витюша явился в своей полосатой рубашке. Пятно от повидла он усердно замывал с вечера, и оно теперь угадывалось контрастным ореолом, начинающимся от подмышки и заканчивающимся рядом пуговиц в засохшей мыльной пене.

— Приехал, нет? — спросила Колядова Ольга Ивановна.

Никто не спросил: кто. Все и так знали, кого она имела в виду.

— Не знаю, — первой начала Люба.

— Не видел, — качнул мудрой седой головой из своего угла Симанов.

— Приехал, — вдруг удивил всех Глыбин своей осведомленностью. — Сказали, вызывать не станут. Будут ходить по отделам, знакомиться.

— Опп-па! А как же день рождения? — воскликнула Таня.

По традиции до обеда они затягивали с поздравлениями, никогда с утра не распыляясь. Ближе к одиннадцати начинали двигать столы, расставлять стулья, греметь посудой. А где-то минут за десять-пятнадцать уже и рассаживались. Тут и начинались и поздравления, и цветы, и вручение подарков, а то и стихотворные посвящения. А теперь что же?! Как же они раньше положенного обеденного времени начнут суетиться, если высочайшее начальство станет ходить по кабинетам?..

В размышлениях они промучились вплоть до обеда, не зная, как поступить. Жутко затагнули с приготовлениями, издергались и решили все же начинать. Первые тосты произносили, косясь на стеклянные двери в кабинет. Потом осмелели, заговорили громче, а уж после того, как диктор по радио оповестил о том, что в Москве полдень, закрыли дверь на замок и загалдели вовсю.

Они пригубили за день рождения сегодняшний, за день рождения как таковой, за здоровье и четвертый раз, как водится, за любовь. Скушали почти все бутерброды с икрой и семгой. Сложили на одну тарелку сыр и колбасу, намереваясь попить в три часа чайку с тем, что осталось. Собрали грязные тарелки в одну стопку на край большого стола и засуетились с чаем.

— Ум-мм, какой тортик, Михаил Эдуардович! — попискивала Мария Ивановна, впихивая в себя второй по счету кусок. — Какая же у вас жена! Ну, чудо просто, а не женщина. Руки золотые. Витюша, нравится?

Вопрос был непонятен ни Витюше, ни кому бы то

ни было за столом. То ли тортик должен был нравиться, то ли золотые руки госпожи Симановой, то ли лично она должна была произвести впечатление. Это осталось загадкой. Понятно всем было одно: это был пробный шар в лузу вечного своднического нытья.

Сейчас начнется, поняла Люба и встала из-за стола.

— Пойду помою посуду, — проговорила она в ответ на вопросительные взгляды коллег. — Визита к нам еще не было, а вдруг...

Вдруг случилось тут же.

Стоило ей отпереть дверь, взять в руки горку грязных тарелок и выйти из кабинета, как навстречу ей двинулось как раз то, чего они все с таким нетерпением ждали и чего одновременно так боялись. Делегация...

— День добрый, господа, — насмешливо проговорил высокий светловолосый мужчина. — Пьянствуем на рабочем месте? Ну-ну, похвально...

Их генеральный, стоящий у самой двери и преградивший все пути отступления Закатовой Любе, сделался страшен лицом.

«Всех уволю!!! — говорил его взгляд. — Нет, сначала сотру в порошок, а потом уволю!!! Или, наоборот, сначала уволю, а потом уже...»

— Мы обедали, — вдруг подала голос Люба, и кто бы ее за язык тянул. — Сегодня у Михаила Эдуардовича день рождения. Мы обедали. А вы... Вы не хотите чаю, господа?!

Господ она выделила особенно, для контраста. Они-то уж точно были господами. В дорогих костюмах, без единой складки и заломов по швам. В бо-